

В.П. Сукачев

**Иркутск. Его место и
значение в истории и
культурном развитии
Восточной Сибири**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
В11

В11 **В.П. Сукачев**
Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной
Сибири / В.П. Сукачев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 272 с.

ISBN 978-5-458-02132-6

ISBN 978-5-458-02132-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

женскій Знаменскій монастырь, а въ городѣ—Богоявленскій соборъ и выстроена новая деревянная крѣпость *). „Но,— повѣствуетъ въ своихъ письмахъ Мартосъ, — въ скоромъ времени внутренніе мятежи угрожали опасностью сему новому отдаленному русскому городу: боярскій сынъ Петрушка Тайшинъ съ гнусными сообщниками Ванькою Степановымъ, мунгальскимъ законникомъ Ерденею Ноинымъ и другими праздными, безпокойными людьми сдѣлали бунтъ, начали грабить, но боясь преслѣдованія успѣли укрыться. Однакожь иркутскіе казаки настигли мятежниковъ и казнили зачинщиковъ бунта—Тайшина и Ерденею Ноина“ **). Бунтъ этотъ происходилъ въ 1695 году, въ управленіе воеводы Савельева ***). Въ томъ же году назначенный, на мѣсто Савельева, воевода Полтевъ, не доѣхавъ до Иркутска, умеръ въ Идинскомъ острогѣ. Жена его съ малолѣтнимъ сыномъ на слѣдующій годъ пріѣхала въ Иркутскъ. Недовольные Савельевымъ, иркутскіе казаки порѣшили замѣнить его малолѣтнимъ Полтевымъ и, сообщивъ о томъ по начальству, ждатель указа, въ виду же малолѣтства Полтева придать ему для управленія дѣлами сына боярскаго Перфильева. При сдачѣ дѣлъ Савельевымъ Перфильеву, въ канцелярію принесенъ былъ на рукахъ и трехлѣтній воевода Полтевъ. Иркутску пришлось въ первый годъ управленія этого малолѣтка выдержать осаду бурятъ, сдѣлавшихъ набѣгъ изъ ближайшихъ къ городу кочевьевъ. Попытка эта осталась безъ успѣха, и съ тѣхъ поръ Иркутскъ никакимъ болѣе нападеніямъ извнѣ не подвергался, чему много способствовало то, что онъ отъ болѣе сильныхъ и воинственныхъ туземцевъ — тункинскихъ бурятъ — былъ охраняемъ сторожевыми острожками, расположенными по теченію Иркуты: Максимовскимъ, Окининскимъ и Усть-Иркутскимъ.

*) Тамъ же.

**) *Мартосъ*: «Письма о Восточной Сибири». Москва, 1827 г.

***) Такъ названъ онъ въ «Лѣтописи» *Пежемскаго*, въ нѣкоторыхъ же другихъ источникахъ онъ названъ Савеловымъ.

Первый изъ нихъ былъ выстроенъ еще во времена Похабова казацкимъ сотникомъ Максимомъ Перфильевымъ, отъ котораго и пошло названіе села—Максимовщины. Въ селѣ этомъ (9 верстъ отъ Иркутска) до сего времени существуетъ фамилія Перфильевыхъ и сохранилось преданіе о двухдневной битвѣ ихъ родоначальника съ тункинскими бурятами на Монастырской долинѣ, близъ Введенщины *).

Что касается внутренней жизни Иркутска, то къ данному періоду относятся указы Петра I (1696 и 1697 гг.), коими повелѣно было частную выкурку вина прекратить, а для казенной продажи „курить соображаясь съ хлѣбнымъ урожаемъ, дабы людей не оголодить“. При этомъ отъ воеводы требовалось свѣдѣніе, можно ли въ Иркутскѣ выкуривать 2.000 ведеръ хорошаго вина, такъ чтобы ведро изъ купленнаго хлѣба обходилось въ полтину, или около того.

Въ 1699 году изъ Москвы прибылъ въ Иркутскъ новый воевода Николаевъ, а воевода-младенецъ Полтевъ отпущенъ съ матерью въ Москву.

По мѣрѣ того, какъ слухи объ удобномъ мѣстоположеніи новаго города и выгодахъ, которыми пользовались его обыватели, расходились не только по Сибири, но и по Европейской Россіи (гдѣ рассказывали, что иркутскія женщины бьютъ соболемъ коромысломъ), число его жителей возросло **). По словамъ Семивскаго, „главное и значительное заселеніе Иркутска, съ самаго почти его завладѣнія, началось особенно торговавшимъ тамъ купечествомъ и разными промышленниками, выѣхавшими для того изъ разныхъ городовъ и уѣздовъ бывшей Великоустюжской провинціи, которые по торговлѣ и промысламъ своимъ остались навсегда иркутскими жителями“. Населеніе города значительно увеличилось послѣ того, какъ, въ 1697 году, правительствомъ предписано было верхоленскому воеводѣ послать въ Ир-

*) *Сельскій*: «Путь до Култука».—*Зап.-Сиб. Отд. Рус. Геогр. Общ.*, т. X.

**) *Гогемейстеръ*: «Статистическое обозрѣніе Сибири».

кутскъ, для водворенія въ немъ, или возлѣ него, пятисотъ пашенныхъ крестьянъ. Не осталась безъ вліянія на увеличеніе Иркутска и ссылка въ него при Петрѣ I значительнаго числа стрѣльцовъ. Андріевичъ, въ своей „Исторіи Сибири“, опредѣляетъ число жителей въ Иркутскѣ въ 1700 году въ 726 чел. мужскаго пола, въ 1722 году—въ 3.447.

Иркутскіе воеводы того времени находились въ непосредственномъ подчиненіи сперва Сибирскому приказу, а затѣмъ пребывавшимъ въ Тобольскѣ сибирскимъ губернаторамъ, изъ коихъ первымъ былъ извѣстный, казненный впоследствии Петромъ I за лихоимство, князь Гагаринъ. Нѣсколько ранѣе того, та же участь постигла иркутскаго воеводу Ракитина, который, отправясь за Байкаль на встрѣчу возвращавшагося изъ Китая съ караванною казною купца Гусятникова, ограбилъ его. Ракитина вызвали въ Петербургъ и тамъ казнили.

Для управленія духовными дѣлами, въ Иркутскѣ въ 1707 году было учреждено викаріатство Тобольской митрополии и мѣсто викарнаго епископа занялъ Варлаамъ Коссовскій. Въ 1727 году учреждена самостоятельная Иркутская епархія, съ назначеніемъ ея епископомъ Иннокентія Кульчицкаго, мощи котораго нынѣ почиваютъ въ иркутскомъ Вознесенскомъ монастырѣ.

Въ 1731 году Иркутскъ наименованъ провинціальнымъ городомъ и воеводы замѣнены въ немъ вице-губернаторами, изъ коихъ первымъ былъ статскій совѣтникъ Жолобовъ. Непомѣрное лихоимство Жолобова весьма скоро понудило правительство смѣнить его и послать, въ качествѣ слѣдователя и его преемника, статскаго совѣтника Сытина. Приѣхавъ въ Иркутскъ 5 января 1733 года и не успѣвъ вступить въ должность, Сытинъ 2 февраля того же года умеръ отъ „огорченій“, какъ говоритъ лѣтопись, причиненныхъ ему Жолобовымъ. Тогда дворянинъ Иванъ Литвинцевъ, съ приписью подьячій Татариновъ и казачій голова Лисовскій, пригласивъ къ себѣ многихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, поло-

жили не оставлять Жолобова вице-губернаторомъ, а передать правленіе пятилѣтнему сыну умершаго Сытина, за малолѣтствомъ котораго опредѣлить къ нему совѣтникомъ и опекуномъ полковника Бухгольца, для чего и вызвать послѣдняго изъ Селенгинска. Въ рѣшеніи этомъ самое дѣятельное участіе принялъ намѣстникъ Паисій, за смертію святителя Иннокентія и до прибытія новаго епископа правившій архіерейскимъ приказомъ. Недовольный Жолобовымъ, онъ собираетъ иркутское духовенство, призываетъ монашествующихъ и, заставивъ ихъ подписать составленную Татариновымъ челобитную, отправляетъ ее въ провинціальную канцелярію. Отъ Жолобова немедленно полетѣлъ гонецъ въ Тобольскъ съ донесеніемъ о собраніи „воровскаго казачьяго прелиберіанскаго круга“ и съ жалобой на Паисія, заставившаго духовенство подписать „возмутительную“ бумагу. На сторонѣ Жолобова оказались бургомистръ и купцы. — Тобольское начальство дозволило ему исправлять вице-губернаторскую должность до пріѣзда въ Иркутскъ командированнаго слѣдователя Сухарева. Время до прибытія послѣдняго Жолобовъ употребилъ исключительно на расправу со своими противниками. Всего болѣе досталось Татаринову и Литвинцеву, которыхъ онъ ежедневно ставилъ на правезъ, билъ палками, пыталъ. Лисовскаго же, заковавъ въ цѣпи, отправилъ въ Тобольскъ. Неистовства эти кончились только съ прибытіемъ, въ ноябрѣ 1732 года, слѣдователя Сухарева. Арестованный по распоряженію Сухарева, Жолобовъ пробовалъ защищаться, но былъ обезоруженъ. Болѣе гола изслѣдоваль Сухаревъ дѣйствія Жолобова, который, въ свою очередь, постоянно объявлялъ роковое въ тѣ времена „слово и дѣло“ и на Сухарева, и на тобольскаго губернатора. Наконецъ, въ октябрѣ 1734 года пріѣхалъ изъ Петербурга поручикъ Пушинъ и забралъ съ собою и Жолобова, и Сытина, и Литвинцева, съ нѣсколькими другими лицами. 1 июля 1736 года Жолобовъ былъ казненъ въ Петербургѣ, и указъ объ этомъ, съ подробнымъ изложеніемъ его преступленій, объ-

явленъ „во всенародное извѣстіе“. Досталось и Паисію. Прибывъ на мѣсто своего служенія, новый епископъ иркутскій Иннокентій Неруновичъ немедленно потребовалъ объясненіе отъ всѣхъ духовныхъ лицъ, подписавшихъ петицію о назначеніи вице-губернаторомъ малолѣтняго Сытина. Всѣ объясненія сводились къ тому, что дѣлалось это по требованію намѣстника Паисія, который на возраженіе, что духовнымъ людямъ въ это дѣло вмѣшиваться не слѣдуетъ, грозилъ повырывать бороды и отдуть дубиной. Самъ же Паисій на допросѣ показалъ, что основывался на бывшемъ въ Иркутскѣ примѣрѣ: „бываль-де здѣсь воеводою и судьей сынъ господина Полтева и трехлѣтній“. Но отговорка эта не помогла, и Паисій, за „вовлеченіе подчиненнаго ему духовенства въ неподобающее дѣло, былъ приговоренъ къ наказанію плетьюми нещадно, чтобы и другимъ такъ дѣлать было не повадно“. Приговоръ этотъ приведенъ въ исполненіе 3 декабря 1733 года *).

О замѣнившемъ Жолобова вице-губернаторѣ Плещеевѣ иркутская лѣтопись говоритъ, что онъ „былъ въ канцелярскихъ дѣлахъ несвѣдущъ, корыстолюбивъ, промышленныхъ и торговыхъ людей за недачу подарковъ дралъ плетьюми и кнутомъ и притѣснялъ приказныхъ служителей; приверженцевъ же своихъ любилъ постоянно угощать и поить разными винами до-пьяна“ **). Между нимъ и епископомъ Иннокентіемъ Неруновичемъ, отличавшимся нравомъ суровымъ и вспыльчивымъ, отношенія приняли столь враждебный характеръ, что въ народѣ долго держалось преданіе, будто они перестрѣливались изъ пушекъ: архіерей—съ лѣвой стороны Ангара, изъ монастыря, вице-губернаторъ — съ правой, изъ города. Это, конечно, вымыселъ, могущій только служить для характеристики тогдашнихъ нравовъ и отношеній между указанными лицами; но что имѣеть документальное подтвержденіе

*) *Иркутскія Епархіальныя Вѣдомости* 1865 г., № 18.

***) Тамъ же, 1868 г., № 3.

деніе въ жалобахъ и донесеніяхъ самого преосвященнаго, такъ это обиды, нанесенныя ему Плещеевымъ въ домъ откупщика Глазунова, кончившіяся тѣмъ, что онъ долженъ былъ спастись на лодкѣ, въ которой и доплылъ отъ города до Вознесенскаго монастыря. Отношенія между мѣстными духовною и гражданскою властями не улучшились и при преемникѣ Плещеева—вице-губернаторѣ Бибиковѣ. Не имѣя возможности добиться осужденія главнаго виновника всѣхъ своихъ столкновеній съ Плещеевымъ и Бибиковымъ, нѣкогда служившаго по духовному вѣдомству и завладѣвшаго монастырскими суммами Герасима Лебратовскаго, преосвященный прибѣгъ къ совершенно исключительной мѣрѣ: 22 октября 1738 года иркутяне были поражены опубликованною въ церквахъ и прибитою къ церковнымъ входамъ грамотой архипастыря объ отлученіи Лебратовскаго отъ церкви. Узнавъ объ этомъ, Св. Синодъ, указомъ отъ 20 ноября 1739 года, предписалъ Лебратовскаго отъ клятвы разрѣшить и впредь отлученію, „не описався въ Святѣйшій Синодъ съ таковыми объясненіями, какъ *Духовнымъ Регламентомъ* указано, и не получа на то указу, собою отнюдь не предавать“ *).

При назначеніи Бибикова Сибирская губернія была раздѣлена на двѣ части: Тобольскую и Иркутскую, съ подчиненіемъ ихъ вѣдѣнію Сибирскаго приказа и „съ тѣмъ, чтобы въ Иркутскѣ былъ дѣйствительный вице-губернаторъ, которому дозволено сноситься съ сибирскимъ губернаторомъ про-меморіями“.

Слѣдовавшіе за Бибиковымъ вице-губернаторы Лангъ и Вульфъ, по словамъ современниковъ, были люди добрые, но слабые, вслѣдствіе чего управленіе находилось въ рукахъ секретарей Березовскаго и Иванова, и дѣла шли плохо. „Бѣдные терпѣли притѣсненія, оттого что нечѣмъ было имъ откупиться, а богатые посредствомъ подарковъ всегда были правы и пользовались милостью начальства; умножились во-

*) Тамъ же, 1868 г., № 9.

ровства и грабежи, особенно кража скота бурятами, а сыску не было: хотя воровъ неоднократно ловили, но виновныхъ не оказывалось; сборы казенные были запускаемы; оброчныя статьи отдавались дешевыми цѣнами, а подряды высокими *)). На придачу къ такимъ секретарямъ, 28 марта 1758 г. прїѣхалъ изъ Петербурга первый иркутскій полицеймейстеръ секундъ - маіоръ Замошиковъ, человѣкъ „дѣятельный, но весьма корыстолюбивый“ **). Выдающимся во время правленія Вульфа событіемъ было открытіе въ 1753 году школы навигаціи и геодезіи. Въ 1758 году прибылъ въ Иркутскъ слѣдователь по винокуреннымъ дѣламъ, повѣренный откупщика Глѣбова, Петръ Никифоровъ Крыловъ.

Прїѣзду Крылова предшествовало письмо откупщика Глѣбова, занимавшаго въ то время и должность оберъ-прокурора, къ членамъ иркутскаго магистрата. Въ письмѣ этомъ, наполненномъ укоризнами, Глѣбовъ, выражая свое неудовольствіе на дѣйствія магистрата и мѣстныхъ купцовъ, между прочимъ, говорилъ: „Я крайне принужденъ удивиться страннымъ вашимъ предпрїятіямъ и чуднымъ поступкамъ, которые отъ человѣка честнаго свѣта апробованы быть не могутъ“. „Не только тонкимъ образомъ шиканство свое употребляете, но и нагло, въ противность законовъ, поступки свои оказываете, такъ что я принужденъ, видя такія странныя дѣла, просить въ Правительствующемъ Сенатѣ о учиненіи слѣдствія о всѣхъ вашихъ поведеніяхъ, что принадлежитъ винной поставки и прочаго, а чрезъ то самое имѣть себѣ сатисфакцію и справедливость закона. Я инова понять не могу, что всѣ вы свои дѣла производите въ одной надеждѣ, что въ такой великой отдаленности отъ здѣшняго мѣста находитесь. Буде вы надѣтетесь на свое богатство, то оно, всеконечно, сколько бы велико не было, не заплатитъ правосудію, ибо не пользуется въ день ярости и гнѣва“ ***).

*) «Лѣтопись» *Пежемскаго*.

**) Тамъ же.

***) Тамъ же.

Везя съ собою указъ Сената о назначеніи его слѣдователемъ по винокуреннымъ дѣламъ, Крыловъ еще съ дороги писалъ тому же магистрату, чтобы онъ приготовилъ для него нѣсколько стопъ бумаги и ведро чернилъ. Магистратъ отвѣчалъ, что „бумага приготовлена, а чернильнаго мастера въ Иркутскѣ не имѣется, а приготовлено нѣсколько черепковъ китайской туши“ *).

Проведя нѣкоторое время по приѣздѣ своемъ въ Иркутскъ въ бездѣйствіи и визнавъ подъ рукой чтѣ и какъ дѣлается, кто богатъ, кто бѣденъ, „Крыловъ, — говоритъ иркутскій лѣтописецъ, — вдругъ перемѣнился въ характерѣ, вдался въ разныя дерзости, жестокости, въ особенности къ купечеству, занимавшемуся содержаніемъ винокуренныхъ заведеній“. Забравъ къ себѣ изъ магистрата и губернской канцеляріи всѣ дѣла съ 1729 по 1758 годъ, касавшіяся питейныхъ сборовъ, онъ арестовалъ и заковалъ членовъ магистрата и какъ у нихъ, такъ и у болѣе богатыхъ купцовъ приказалъ описать дома, товары и проч. и „публиковалъ ихъ ворами“. Вслѣдъ за этимъ, пытками и истязаніями онъ вынудилъ бургомистра Бречалова показать, что вино, стоившее въ выкуркѣ отъ 50 до 60 к., занимавшіеся его выкуркой иркутскіе купцы цѣнили въ рубль и излишнія деньги дѣлили между собою. Опираясь на это сознаніе, онъ отобралъ у нихъ болѣе 150.000 р., не считая того, что при этомъ погромѣ захватилъ себѣ лично вещами и всякимъ имуществомъ. Болѣе всѣхъ пострадалъ купецъ Иванъ Бичевинъ, считавшійся въ то время первымъ въ городѣ богачомъ. Домъ его стоялъ у Тихвинской церкви, гдѣ впослѣдствіи находился музей Географическаго Общества, уничтоженный пожаромъ 1879 г. О богатствѣ Бичевича сохранилось преданіе, что у него золотыя и серебряныя деньги хранились въ боченкахъ, а мѣдныя—въ бочкахъ, прикованныхъ къ стѣнамъ его кладовыхъ.

*) Въ Иркутскѣ чернилами начали писать съ 1777 г., когда впервые были привезены чернильные орѣшки и купоросъ, а до того времени писали тушью.

Замученный пытками, онъ умеръ 13 декабря 1759 г. и похороненъ въ отстроенной имъ Тихвинской церкви, на стѣнѣ которой находится и до настоящаго времени хорошо сохранившаяся надгробная надпись.

Наводилъ Крыловъ страхъ не на однихъ купцовъ, но и на все городское населеніе своей развратной и не знавшею удержу разгульною жизнью. Женщины боялись ему на глаза попадаться, дѣтей пугали, и еще долго иркутяне, по словамъ лѣтописца, вспоминали о „гибельныхъ крыловскихъ временахъ“. Начальство бездѣйствовало. Самого вице-губернатора Вульфа Крыловъ умудрился нѣкоторое время продержать подъ арестомъ, а жителей тѣмъ временемъ заставилъ подписать челобитную о назначеніи на мѣсто Вульфа его, Крылова.

Но тутъ за городъ вступился преосвященный Софроній. Написавъ донесеніе Императрицѣ и письмо петербургскому митрополиту, онъ тайно отправилъ ихъ въ Петербургъ съ своимъ посланцомъ, сержантомъ Конюховымъ, успѣвшимъ, благодаря употребленной имъ хитрости, обогнать курьера, посланнаго Крыловымъ. Ходатайство преосвященнаго увѣчалось успѣхомъ. На донесеніе его послѣдовало, доставленное тѣмъ же Конюховымъ, распоряженіе арестовать Крылова и скованнымъ отправить въ Москву, что и было, по полученіи въ Иркутскѣ указа, исполнено 20 ноября 1761 г. Дальнѣйшая судьба Крылова неизвѣстна: по однимъ источникамъ онъ былъ наказанъ кнутомъ и сосланъ на каторгу, а по другимъ — избѣгъ всякаго наказанія, благодаря покровительству оберъ-прокурора Глѣбова, и ѣздившіе въ Петербургъ иркутскіе купцы встрѣчали его, будто бы, тамъ мирно разгуливающимъ по улицамъ. Существуетъ также разсказъ, что деньги отобранныя Крыловымъ у купцовъ были многимъ возвращены, но за всѣми раздачами осталось еще до 15.000 р., которые хранились болѣе двадцати лѣтъ и ихъ, наконецъ, рѣшено было отдать на сооруженіе въ Иркутскѣ каменной Благовѣщенской церкви.

Дѣйствительно „гибельныя времена“ и „жестокіе то были нравы“! Въ этотъ періодъ своей исторіи Иркутскъ — самъ жертва лихоимства, произвола и насилій — не разъ бывалъ свидѣтелемъ жестокой развязки совершавшихся вдали отъ него переворотовъ, заговоровъ, преслѣдованій и т. п. Видѣлъ Иркутскъ и изгнанныхъ изъ Москвы стрѣльцовъ, и гонимаго Меньшиковымъ послѣ смерти Петра арапа его, и его же любимца, изуродованнаго Бирономъ, Соймонова и мн. др., но ничто не запечатлѣлось такъ живо въ памяти очевидцевъ, какъ пріѣздъ въ Иркутскъ 25 ноября 1740 года молодой 15-лѣтней дѣвушки, въ сопровожденіи приставленной къ ней пожилой женщины и лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка фургера Льва Чернышева, привезшаго и указъ Синода о немедленномъ постриженіи въ иркутскомъ Знаменскомъ монастырѣ „секретной особы“ — дѣвушки-ребенка. Началась тревога въ стѣнахъ обители. Преклонная лѣтами игуменья Акилина не знала за что взяться; старицы суетились; въ деревянной монастырской церкви начались приготовленія къ постригу; обитель обступили любопытные; наконецъ явился Вознесенскаго монастыря архимандритъ Корнилій. За нимъ ввели въ церковь за конвоемъ постригаемую въ сопровожденіи ея спутниковъ. Корнилій приступилъ къ обряду постриженія. На обычные вопросы объ отреченіи отъ міра дѣвушка оставалась безмолвною, но вопросы быстро слѣдовали по чиноположенію одинъ за другимъ; безмолвную одѣли въ иноческую мантію, покрыли кукелемъ, переименовали изъ Анны Анисіей, дали въ руку четки и обрядъ постриженія былъ конченъ. Фургеръ вручилъ постригавшему архимандриту письменное удостовѣреніе, что былъ очевидцемъ постриженія въ монашество дѣвицы Анны, дочери казненнаго Артемія Волынскаго, и тутъ же сдалъ юную невольную инокиню подъ строжайшій присмотръ и на вѣчное заключеніе. Привезшую ее женщину разлучили съ ней и, дозволивъ жить на свободѣ въ Иркутскѣ, строжайше воспретили видѣться съ юной монахиней и возвращаться назадъ.